

✦ Профессиональное кредо

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606_951X_2021_23_1_2_202_222

В.В. ВАСИЛЬЕВ, Ю.М. РЕЗНИК

О ПЕРСОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

***Аннотация:** В данной статье речь пойдет о персональной составляющей философии, которая присутствует в деятельности любого философа. Диалог Ю.М. Резника и В.В. Васильева затрагивает актуальные проблемы персонального дискурса, которые ведут философы с незапамятных времен. Авторы пытаются ответить на вопрос: что такое персональная философия? Она является во многом ответом на вызовы социальной практики, в т.ч. собственной жизненной практики философов. Это — знание о субъективно-всеобщем в мире («проект бытия-для-себя»), которое преломляется в их жизненном опыте. Каждый из философов изобретает свой оригинальный путь к решению фундаментальных философских проблем, в т.ч. о природе человека, его сознания и т.д. Акцент на тех или иных проблемах, которые интересуют философов в первую очередь, расширяет горизонт философствования.*

Авторы рассматривают разные аспекты философской идентичности и персоналистичности философии. Философия включает в себя все разнообразие идей и языков философствования. А ее персональный проект включает в себя: а) личностное видение предметной специфики философии и вытекающее из него представление о предназначении самого философа; б) личную манеру или стиль философствования; в) проект бытия и систему онтологических координат («материя — дух»; «сущность — существование»; «сущее — должное»; «бытие — становление» и пр.); г) экзистенциальный проект философа и систему ценностных координат (например, «свобода — справедливость»; «равенство — неравенство» и т.п.); д) собственную исследовательскую программу (совокупность проектов, связанных единым исследовательским замыслом), в т.ч. персональную конфигурацию идей и решений проблем, воспринимаемую автором как его собственный вклад в философию; е) свою рефератную группу, состоящую из философов про-

Васильев Вадим Валерьевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: vadim.v.vasilyev@gmail.com.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

шлого и настоящего (круг мыслителей, которые в наибольшей степени повлияли на концепцию или позицию автора), а также оригинальную интерпретацию их идей и концепций; ж) «невыветаемый остаток», который составляет «изюминку» авторской философии и придает ей неповторимый колорит.

Авторы согласны в главном: философы должны вносить собственный вклад в решение фундаментальных проблем. Это и есть их персональная философия, которая может быть экзистенциально окрашенной, проектной или аналитической. И персональная идентичность современного философа включает, кроме его идейных предпочтений и принадлежности к той или иной школе (направлению), индивидуально обоснованную методологию исследований.

Abstract: This article will focus on the personal component of philosophy, which is present in the activities of any philosopher. Dialogue Yu.M. Reznik and V.V. Vasilyev touches upon topical problems of personal discourse, which have been pursued by philosophers since time immemorial. The authors try to answer the question: what is personal philosophy? It is in many ways a response to the challenges of social practice, incl. the philosophers' own life practice. This is knowledge about the subjective-universal in the world ("the project of being-for-oneself"), which is refracted in their life experience. Each of the philosophers invents his own original way to solve fundamental philosophical problems, incl. about the nature of man, his consciousness, etc. The emphasis on certain problems that interest philosophers, first of all, expands the horizon of philosophizing.

The authors consider various aspects of philosophical identity and personalism of philosophy. Philosophy includes all the variety of ideas and languages of philosophizing. And her personal project includes: a) a personal vision of the subject specificity of philosophy and the resulting idea of the purpose of the philosopher himself; b) personal manner or style of philosophizing; c) the project of being and the system of ontological coordinates ("matter – spirit"; "essence – existence"; "being – due"; "being – becoming", etc.); d) the existential project of the philosopher and the system of value coordinates (for example, "freedom – justice"; "equality – inequality", etc.); f) their abstract group, consisting of philosophers of the past and present (the circle of thinkers who have influenced the concept or position of the author to the greatest extent), as well as the original interpretation of their ideas and concepts; g) non-deducible residue, which is the "highlight" of the author's philosophy and gives it a unique flavor.

The authors agree on the main point: philosophers must make their own contribution to solving fundamental problems. And this is their personal philosophy, which can be existentially colored, project-based or analytical. And the personal identity of a modern philosopher includes, in addition to his ideological preferences and belonging to a particular school (direction), an individually substantiated research methodology.

Ключевые слова: философия, философская идентичность, персональная философия, личностное видение, стиль философствования, система онтологических координат, система ценностных координат, исследовательская программа, индивидуальное своеобразие методологии философа.

Keywords: philosophy, philosophical identity, personal philosophy, personal vision, style of philosophizing, system of ontological coordinates, system of value coordinates, research program, individual originality of the philosopher's methodology.

Вступление

Резник Юрий Михайлович: Дорогие друзья! У каждого философа есть своя философия. «Своя» не в том смысле, что он сам ее создал как стройную систему знаний, а в

том, что успел «присвоить», сделать частью своей жизни, воплотить в ней себя, собственный мировоззренческий проект. Именно об этом мы поговорим сегодня с доктором философских наук, профессором, членом-корреспондентом РАН, заведующим кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Васильевым Вадимом Валерьевичем. Он является специалистом в области истории философии Нового времени, аналитической философии и философии сознания.

Вадим Валерьевич! В предисловии к книге «Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии» Вы пишете о том, что философам приходится ориентироваться «и по отношению к собственному делу» [8,5]. Я же предлагаю сузить круг ориентации и сосредоточить наше обсуждение на том, чем мы с Вами непосредственно занимаемся — на персональной философии. Ведь философия есть личное дело каждого философа. И она лишь тогда становится событием для тех, кто с ней знакомится, когда она персонафицирована и имеет особенное человеческое лицо.

Вам, как историку философии, известно не меньше меня, что философия всегда была персональной, т.е. преломленной сквозь призму личности самого философа. Это относится и к университетской или академической философии. Так, например, у Г. Гегеля «философия определяется как познание необходимости содержания абсолютного представления, а также необходимости обеих его форм, — с одной стороны, непосредственного созерцания и его поэзии, как равным образом и объективного и внешнего откровения, которое предполагается представлением, а с другой стороны, прежде всего субъективного вхождения в себя, затем также субъективного движения вовне и отождествления веры с предпосылкой» [12, 393]. Именно такой можно представить и его собственную философию. Это «субъективное вхождение в себя» и такое же «субъективное движение вовне», в котором соединяются созерцание и откровение.

Философия же многих других мыслителей прошлого носила еще более выраженный персональный характер. Полагаю, что такая философия представляет собой особую духовную практику, ориентированную на познание и конструирование всеобщих смыслов его возможного бытия. Как считал Ж.-П. Сартр: «Философия остается действенной до тех пор, пока сохраняется породившая ее практика» [20, 6]. Она и сама есть практика эмансипации человеческого духа, его восхождения на новые высоты творческой свободы.

Суть персональной философии лучше всего выразил Н.А. Бердяев. Ее предназначение состоит, по его мнению, не в подчинении мировой данности и необходимости, а в искусстве постижения свободы и проникновения в запредельную сущность мира. По своей сути занятие философией есть творческий акт или, говоря иначе, своего рода метапроектирование, где в качестве главной экспериментальной площадки выступает жизнь самого мыслителя и опыт его взаимодействия с миром. «Философия, — писал Бердяев, — есть часть жизни и опыт жизни, опыт жизни духа лежит в основании философского познания. Познание есть посвящение в тайну бытия, в мистерии жизни... Философия есть особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии, но находящаяся в сложном взаимодействии с наукой и религией» [1, 22-23]. Она характеризует переход от опытного (экспериментального) знания человека к внеопытному (априорному) и, по-видимому, проектному знанию.

Можно бесконечно приводить цитаты из работ разных философов, в т.ч. философоперсоналистов или экзистенциалистов. Так, с экзистенциальной точки зрения, персональная философия — это не просто знание о всеобщем как таковом, а знание о субъек-

тивно-всеобщем, которое преломляется в личном опыте мыслителя, способного строить собственное будущее и приближать его всеми доступными ему способами. Поэтому в ее основе лежит миссия постановки иного будущего самого философа. Философский проект персонифицирует бытие философа, превращая его в самопроект. Это — всегда проект бытия-для-себя и бытия-вперед-самого-себя. В какой-то мере персонализм становится общей чертой современной философии. «... Эта философия, более близкая к действительному человеческому бытию, чем ее предшественницы» [4, 48].

Мое понимание персональной философии как философии проектирования собственного бытия было изложено в монографии «Феноменология человека: бытие возможного» [1]. А что Вы, Вадим Валерьевич, думаете о такой философии? Существует ли она или это — плод чьего-то воображения? И как Вы сами определили бы собственную персональную философию на данном жизненном этапе?

Васильев Вадим Валерьевич: Я согласен с Вами, Юрий Михайлович, что настоящая философия — это всегда не только какие-то абстрактные теории, но и своего рода персональный проект, в ней всегда есть что-то личное или даже экзистенциальное. Но личностные, сугубо индивидуальные моменты могут состоять и в способах делания философии. В любом развитом философском сообществе имеются приблизительные представления о том, что значит быть философом и что подразумевает этот статус или звание. Они, разумеется, не могут быть единообразными и предполагают какую-то вариативность. А дальше индивиды-философы, так сказать, выбирают из этого набора то, что им ближе. Но интересно то, что самые смелые и оригинальные из них могут — оставаясь в общих рамках — изобрести свои новые пути.

Я встречал таких философов. Если говорить о зарубежных философах, то это были Д. Деннет и Т. Уильямсон. Специфика Деннета — в своеобразной суггестивности его текстов и выступлений. Он скорее наводит читателей и слушателей на свои тезисы, чем доказывает их. Уильямсона же отличает способность амплифицировать мелкие детали, и строить на каких-то тонкостях масштабные и впечатляющие теории. Что касается меня самого, то философия для меня рождается в простом стремлении понять и разобраться в чем-то. Но не через эксперименты, а концептуально. Главными являются для нее, конечно, фундаментальные вопросы — такие, как вопрос о свободе воли или о природе сознания.

Я воспринимаю подобные вопросы как сугубо теоретические загадки. И считаю, что мы можем надеяться найти их точное решение. Но философия для меня не ограничивается чистой теорией. Занятия чистой философией меняют восприятие даже обыденных вещей. Привычка думать на сложные и абстрактные темы делает размышление о более простых вещах приятным развлечением. Так что главный эффект философских теоретизирований для меня состоит в том, что все окружающее становится потенциально интересным. Мне всегда есть о чем подумать. Т.е. для меня персональный аспект философии состоит в некоем размыкании горизонтов интересного.

Ю.М.: *Фактически у каждого человека имеется своя философская идентичность. С этой точки зрения, людей можно условно поделить на «материалистов» и «идеалистов», «скептиков» и «догматиков», «пессимистов» и «оптимистов». Вы спросите, какое отношение все это имеет к философии? Как академической — никакого, но к той, которую называют обыденной или «житийской» — вполне конкретное.*

Считается, что философий столько, сколько и философов, имеющих собственные концепции или проекты. Однако можно различать философов по течениям или направ-

лениям, к которым они принадлежат. Тогда их философская идентичность будет определяться в первую очередь тем учением, к которому они себя относят (прагматизм, неокантианство, позитивизм и неопозитивизм, феноменология, экзистенциализм, структурализм, постмодернизм и пр.).

Но существуют и другие подходы к философской идентичности. Так, у Ю.М. Бохенского выделяется несколько направлений современной философии, начало которой он отсчитывает с момента окончания Первой мировой войны: «философия материи» (неореализм, неопозитивизм, диалектический материализм), «философия идеи» (неокантианство и др.), «философия жизни» (А. Бергсон, прагматизм, историцизм), «философия сущности» (феноменология Э. Гуссерля и антропология М. Шелера), «философия существования» (экзистенциализм М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Г. Марселя и К. Ясперса), «философия бытия» (метафизика Н. Гартмана, А.Н. Уайтхеда, томизм) [4].

Но я могу упрощать картину современной философии, привнося в нее искусственные критерии, не соответствующие ее «внутренней» логике развития. Вы же, Вадим Валерьевич, — профессиональный историк философии и Ваше понимание идейной идентичности философа может быть значительно глубже. Поэтому я не буду Вас спрашивать, с каким философским направлением Вы себя идентифицируете. Меня интересует в первую очередь то, как Вам удастся персонифицировать ту философию, которую Вы изучаете и преподаете. Ведь нельзя быть Кантом больше самого Канта. Но можно быть философом, который не просто вписан в кантианскую (неокантианскую) традицию, а имеет собственное видение идей Канта, которое проецируется на реалии современного мира.

В.В.: Затронутые Вами, Юрий Михайлович, темы очень непросты. И они выходят за пределы собственно философской идентичности. Человек так устроен, что он стремится к пониманию. Ему важно наклеить ярлыки на окружающий его мир. И не только на окружающий его мир, но и на самого себя. Этим он решает проблему собственной идентичности. Отождествление себя с какими-то социальными группами, а своих идей — с идеями каких-то философских школ или направлений, с одной стороны, удовлетворяет его потребность в самоидентификации, с другой — поддерживает устойчивость культуры и социума.

Тут, правда, есть опасность совершенно раствориться в этих безличных культурных паттернах и утратить собственную индивидуальность. Все мы, я думаю, встречались с людьми, говорящими не своим языком, находящими ответы на все вопросы в наследии поэтов или писателей прошлого или в общекультурных стереотипах. Это жертвы неправильно понятой самоидентификации. Все это справедливо и для философии. Рассказывая или размышляя о каком-то философе или философском направлении, я занимаю позицию максимальной симпатии к ним, даже если не разделяю их идеи. Это открывает возможность чему-то научиться у них. При этом какие-то философы и философские школы, разумеется, объективно ближе мне, чем другие. Но я всегда стараюсь помнить об опасности неправильно понятой идентификации. И поэтому я всегда держу дистанцию. Только так, мне кажется, можно сохранить персональность философствования и самой философии. Одним словом, персональность в философии не сочетается как с созданием философских кумиров, так и с нежеланием ничему учиться у других философов. Поэтому, кстати, я с подозрением отношусь к непрофессиональным философам. Ведь обретение профессии с необходимостью предполагает этап ученичества.

Ю.М.: Это Ваше право, Вадим Валерьевич. Попытаюсь теперь представить общую структуру персональной философии. Практически любой, профессионально состоявшийся философ (специалист в области философии) создает свою, «авторскую философию». Она состоит из разных фрагментов личностной интеграции в так называемую мировую философию, включая:

- личностное видение предметной специфики философии и вытекающее из него представление о предназначении философа;
- личную манеру или стиль философствования;
- проект бытия и систему онтологических координат («материя – дух»; «сущность – существование»; «сущее – должное»; «бытие – становление» и пр.);
- экзистенциальный проект философа и систему ценностных координат (например, «свобода – справедливость»; «равенство – неравенство» и т.п.);
- собственную исследовательскую программу (совокупность проектов, связанных единым исследовательским замыслом), в т.ч. персональную конфигурацию идей и решенных проблем, воспринимаемую автором как его собственный вклад в философию;
- свою рефератную группу, состоящую из философов прошлого и настоящего (круг мыслителей, которые в наибольшей степени повлияли на концепцию или позицию автора), а также оригинальную интерпретацию их идей и концепций;
- невычетаемый остаток, который составляет «изюминку» авторской философии и придает ей неповторимый колорит.

Скажите, пожалуйста, Вы разделяете в целом такое понимание структуры персональной философии? Или Вы хотите что-то еще добавить?

В.В.: Ваше понимание личностной интеграции в философию кажется мне очень продуманным. Я бы выделил то, что важным показателем успешной интеграции личности в философскую традицию и в философские практики является то, насколько продуктивной в плане обогащения этой традиции такая интеграция оказывается. Философ должен понимать, что его персональная философия нужна не просто для его собственного умиротворения, каких-то прозрений или хайдеггеровского стояния в просвете бытия. В каком-то смысле его долгом является не только поддержание философской традиции, но и ее обогащение. Я советовал бы молодым философам понимать это так: есть великие философские проблемы и вы реализуетесь как философ, если внесете хоть какой-то вклад в их решение.

О личностном видении предмета философии и предназначении философа

Ю.М.: Вот уже на протяжении двух с половиной тысячелетий философы не могут договориться о понимании предмета философии и предназначении самого философа. Как Вам известно, И. Кант полагал, что современная ему философия остается по-прежнему школьным занятием, а дело заключается в том, чтобы превратить ее в мировое понятие. Она должна стать строгой наукой, задающей образцы разума, а точнее – наукой «об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума» [13, 503]. Поэтому И. Кант называл самого философа не виртуозом, а законодателем разума. Хотя называть себя философом в указанном смысле – это значит претендовать на то, чтобы сравнивать себя с образцом, мыслимым только в идее.

Г. Гегель, в свою очередь, указывает на абсолютно-всеобщее, постигаемое знающим себя разумом, как на подлинный предмет философии, которая имеет своими предпосылками субъективную деятельность идеи, с одной стороны, и развитие объективно сущей

идеи – с другой [12, 393]. Следовательно, в основании гегелевской философии лежит бытие идеи, которая выступает в начале в форме субъективного духа, а затем находит свое высшее выражение в абсолютном духе.

Нет также конвенции о предмете или основном вопросе философии и у современных философов, хотя сегодня уже можно говорить о некоторых инвариантах: «всеобщее», «всеобщие законы», «предельные основания», «отношение сознания к бытию» и пр. На мой взгляд, философию и ее предмет отличают следующие черты:

– метафизичность и трансцендентность (стремление проникнуть в «запредельную сущность мира»);

– холистичность (Н.А. Бердяев: «целостная реакция духа на совокупность бытия»);

– претензия на универсализм (установка на выявление всеобщих законов бытия или универсалий культуры и пр.);

– сочетание ориентации на постижение природы сущего и ориентации на должное («Философия природы имеет дело со всем, что есть, а нравственная – только с тем, что должно быть» [13, 503]), что обуславливает условное деление философии на «научную» (сциентистскую) и софийную;

– родство с культурой, самосознанием которой ее часто называют;

– неистребимое желание быть законодательницей разума;

– эмансипаторский дух («Философия есть искусство познания в свободе...» [3, 269]);

– тяга к рефлексии собственных оснований (философия философии или метафилософия);

– стремление к морализаторству и учительству.

Вы пишете о том, что «философы, как и прежде, интересуются устройством сущего, природой человеческого знания и сознания, проблемой свободы и происхождения морали и общества» [8, 5]. В качестве инструмента обновленной методологии Вы предлагаете концептуальный анализ, который способен проникнуть на уровень наших базовых убеждений, аналогичных вере. В качестве эпиграфа к своей книге «Сознание и вещи» Вы приводите высказывание Д. Юма: «Подлинный удел философии – исследование обыденной жизни». А значит и изучение обыденного сознания, которое имеет отношение, как к актуальному миру, так и возможным мирам, постигаемым априори.

К моему же пониманию философии ближе всего находится позиция Н.А. Бердяева. Я разделяю его тезис о том, что философия – самостоятельная область культуры, а не науки. Она первороднее, исконнее науки и ближе всего стоит к Софии [3, 264]. Если наука есть послушание необходимости, то философия служит делу освобождения человеческого духа и выступает общей ориентировкой в совокупности бытия человека [3, 267]. Философия любит мудрость, базируется на ценностях самих мыслителей и ищет истину (а не истины, как наука). Ее основная задача состоит в трансцендузе, переходе за грани познанного наукой.

А что Вы, Вадим Валерьевич, еще бы добавили к характеристике предметных оснований современной философии? И какой установки Вы лично придерживаетесь: софийной («философия есть, прежде всего, любовь к мудрости») или эпистемной («философия есть наука о наиболее общих законах природы, общества и мышления»)? У Вашего коллеги по факультету Карена Хачиковича Момджяна есть похожее подразделение философии (и философствования) на рефлексивную (когда мы пытаемся понять мир в собственной логике развития) и валютивную (когда мир рассматривается нами с точки зрения смыслов, ценностей и критериев должноствования). Одним словом, каково Ваше личностное видение предмета философии?

В.В.: С большим интересом отношусь к приведенным Вами классификациям, в т.ч. классификациям К.Х. Момджяна и Г.Г. Майорова, которые много размышляли о различии софийной и эпистемной философии. Сам я думаю, что софийная философия – это просто другое название мудрости.

Мудрость, на мой взгляд, не имеет прямого отношения к философии. Мудрость – это концентрированный опыт, дополненный развитой способностью к суждению. Мудрым может быть и не философ. Философия для меня – это, прежде всего, теоретическое начинание, попытка продвинуться в решении великих метафизических проблем. Разумеется, эти проблемы можно решать по-разному. Иногда у меня возникает опасение, что под рубрикой софийной философии может подаваться набор бездоказательных рассуждений об этих проблемах. Такую философию я совершенно не принимаю. Это то, что Кант называл догматизмом. Но, как я уже говорил, упражнения в философии могут оказывать позитивное влияние и на обыденную жизнь, могут изменять само наше отношение к себе и к миру. И в этом можно усмотреть некий момент софийности.

Ю.М.: Как известно, еще И. Кант видел предназначение философа в том, чтобы быть учителем мысли для всех, кто имеет отношение к существенным целям человеческого разума. Другими словами, он должен руководить всеми, кто стал на путь содействия делу разума и обеспечивает его систематическое единство. Однако современные мыслители так и не смогли прийти к согласию в том, каково предназначение самого философа, чем он должен заниматься.

Вот лишь несколько иллюстраций к тому многообразию представлений о предназначении философа, с которым мы имели дело в недалеком прошлом:

- «Философ лечит вопрос – как болезнь» (Л. Витгенштейн) [см.: 11, 27];
- «Философ тот, кто сперва должен излечиться от многих недугов собственного рассудка, прежде чем он придет к понятиям здравого человеческого разумения» (Л. Витгенштейн) (цит. по: [24, 72]);
- Философ занимается «прояснением смыслов» всех проблем и решений, а не открытием истин, как наука (М. Шлик) [см.: 24, 72];
- «Философ – это человек, улавливающий как бы скрытые трещины в структуре наших понятий, там, где другие видят перед собой только гладкий путь, полный банальностей» (Ф. Вайсман) [5, 84];
- Философ – человек, который стремится «открыть тотальность бытия» (Ж.-П. Сартр) [19, 179];
- Философ – человек, который духовно (экзистенциально) обеспокоен и мотивирован на преодоление границ познания (К. Ясперс) [25, 18];
- «Философ – человек, который стремится открыть подлинную реальность и обожноваться в ней» (Х. Ортега-и-Гассет) [15, 192];
- «Философ – человек, ищущий мудрость» (Ж. Маритен; он постигает фундаментальные реалии, затрагивающие природу вещей, самого человека, Бога, и служит Истине и Свободе [21, 273]);
- «Философ экзистенциального типа не объективирует в процессе познания, не противопоставляет объект субъекту. Его философия есть экспрессивность самого субъекта, погруженного в тайну существования» (Н.А. Бердяев) [2, 263];
- Философия есть беседа «души с самой собой в свете ее притяжения к мудрости, которая вряд ли мыслима без братского единения людей» (В.П. Визгин) (см. прим. 1);

— «Философы — это учителя жизни, а не наркоторговцы и технократы. Не продавцы смертельно сладкой лжи для зомбирования и «прогрессивного снятия» человека» (В.А. Кутырев) [14, 190].

Можно, конечно, продолжить этот ряд определений. Как видно в них, в миссию философа входят самые разные качества, в т.ч. склонность к трансцендированию и предельному вопрошанию, стремление к свободе и свободному мировоззрению, устойчивое желание прояснять смыслы и отвечать на предельные вопросы, претензия на учительство и наставничество в мировоззренческих вопросах и т.д. С этой точки зрения, философов можно поделить (опять же условно) на философов-врачевателей («лечить вопросом», «преодолевать недуги рассудка»), философов-толмачей («прояснять смыслы»), философов-популяризаторов («превращать сложное в простое»), философов-мистиков («погружать в тайну существования», «посвящать в запредельную сущность мира»), философов-эмансипаторов («способствовать эмансипации духа»), философов-коммуникаторов («стремиться к единению людей») и философов-учителей («учить жизни»).

А Вы, Вадим Валерьевич, что думаете о личном предназначении современного философа вообще и собственном предназначении, в частности? В чем заключается Ваше профессиональное или жизненное кредо в философии? И чем для Вас, прежде всего, является философия — «врачеванием», «прояснением смыслов», переводом сложных понятий на доступный язык, учительством или чем-то еще? Можно, конечно, совмещать разные позиции, но что для Вас есть главное в философской деятельности?

В.В.: Важная общекультурная роль философии состоит, на мой взгляд, в двух вещах: в удовлетворении потребности людей получать ответы на фундаментальные экзистенциальные вопросы (ответы на них интересуют всех думающих людей) и в содействии тому, чтобы современное общество не заносило на поворотах, столь частых и непредсказуемых в новейшие времена. Трезвые умы философов могут быть очень полезными в нашу экзотическую эпоху. Главное же в философской деятельности для меня лично — попытки продвижения к решению великих метафизических проблем. Кажется мне очень интересным и учительство. Общение со студентами бывает продуктивным и взаимно обогащающим.

Ю.М.: А как Вы, Вадим Валерьевич, относитесь к критерию политической нейтральности и социальной (гражданской) автономии философии и философов, критерию, который в наиболее радикальной форме сформулировал Н.А. Бердяев: «Философ не может служить государству или политическим партиям, академиям или профессиональным целям..., не может быть на службе у людей и у частных целей человеческих» [3, 291]. Тем самым он различал независимых философов и философов, интегрированных в ту или иную институциональную систему. Первые философов можно назвать внесистемными, а вторых — системными. Последние вынуждены подчиняться правилам, устанавливаемых различными системами — идеологическими, научными, образовательными и т.д.

Но может ли современный философ быть независимым в полной мере от государства или от других корпораций (частных вузов и пр.)? Каково пространство его автономии и независимости от разнообразных институциональных систем, ограничивающих свободу его познания («познание в свободе») и принуждающих к определенному образу мышления? Ведь в повседневной жизни нам приходится исполнять массу навязанным нам сверху требований (стандарты, регламенты, отчеты, редакционные требования и пр.). И кто такой внесистемный философ? Обладает ли он в полной мере всеми необходимыми

ми ресурсами для философского творчества, в т.ч. возможностями для полноценного участия в философских дискурсах, иницируемых академическими и другими системными философами? Или он выпадает из концептуального поля философии и становится интеллектуальным изгоем?

В известной мере внесистемную философию можно уподобить свободной профессии, чуждой цеховой или иной корпоративной иерархии. Мне, как и Вам, приходилось слышать о свободных художниках, но каково это быть свободным философом? Значит ли это, что ему присущ совершенно иной стиль философствования, чем системным философам? Или продукты его деятельности (диалоги, эссе, философские романы и пр.) должны быть также логически обоснованы, как и монографии или статьи последних.

Эти и другие вопросы мне бы хотелось адресовать Вам как специалисту по истории философии. Известны ли Вам случаи, кроме Спинозы, когда такой внесистемный философ добился бы существенных результатов в разработке фундаментальных проблем бытия и сознания?

В.В.: Кроме Спинозы, я бы упомянул Д. Юма и А. Шопенгауэра. Оба они были внесистемными мыслителями и добились еще больших результатов, чем Спиноза. Вообще же мне кажется, что несвободный философ (которого не надо, конечно, путать с «системным» философом) — это уже не философ, а пропагандист, идеолог. В последнее время я замечаю, что у нас участились разговоры о том, что философы в России должны стать идеологами. Я против этого.

Конечно, у философов, как и у других людей, могут быть политические предпочтения. Но одно дело личные предпочтения, другое дело — обслуживание чьих-то властных интересов. Я никогда этим не занимался, и заниматься не собираюсь. И пока я не видел противоречия в том, чтобы быть «системным», университетским философом и сохранять свободу творчества. Мне кажется, что университетская среда предполагает такую свободу. И, по крайней мере, у нас в МГУ дело обстояло и обстоит именно так.

Что же касается свободных философов, то я скептически отношусь к ним. Свободные художники, конечно, возможны, но могут ли быть «свободные ученые», например? Сомневаюсь. Думаю, что это — дилетанты и псевдоученые. Философия гораздо ближе к науке, чем к искусству. Поэтому и здесь свободные философы — это непрофессиональные фантазеры. Никакой пользы они принести не могут.

Ю.М.: *Понятно. Непрофессионалам, с Вашей точки зрения, не место в философии. Но я работаю в Российском философском обществе, и в нем приходится общаться с разными философами, в т.ч. с дилетантами и фантазерами. И, на мой взгляд, их не стоит отталкивать от философии. Последняя не принадлежит целиком и полностью профессионалам. В ней есть место и для любителей и просто интересующихся. Да и польза от всех бывает разная.*

Вадим Валерьевич, Вам известно, что философий в гуманитарном пространстве России множество: академическая и дидактическая (учебная), научная и популярная, теоретическая и практическая (прикладная), валютативная (ценностная) и рефлексивная, софийная и аналитическая, рациональная и литературная, профессиональная и дилетантская и пр.) (см. прим. 2). Имеются также самодельные философы или «философы по призванию» (см. прим. 3). И каждый из них ищет и находит «свою» философию, не испытывая при этом комплекса профессиональной или иной неполноценности.

А каково Ваше отношение к популярной и самодеятельной философии? Конечно, не стоит их объединять, так они высказываются о разных вещах. Популярная философия содействует распространению философских знаний в массовой аудитории. А самодеятельная философия является личным делом каждого человека, который, не имея, как правило, профессионального образования, отваживается на изложение собственного видения или решения фундаментальных философских проблем. Я вот, например, позволяю себе время от времени заниматься популярной философией, которую кто-то из читателей может оценить как самодеятельную. В последние годы, чтобы отвлечься от повседневных дел, я сочиняю диалоги со своим воображаемым собеседником — котом Кузей (см. прим. 4). Возможно, в них пробивается изредка голос моего «философа по призванию». А у Вас, Вадим Валерьевич, есть свой вариант популярной философии, предназначенный для широкой аудитории?

Различие же между профессиональным философом и «философом по призванию» состоит, на мой взгляд, в следующем: первый занимается деятельностью, институционально укорененной в различных (образовательных или научных) учреждениях, а второй — самодеятельностью, т.е. деятельностью, свободной от профессиональных и институциональных требований. Это — то, что называется «занятием для души».

По ряду признаков, Вадим Валерьевич, Вас, как и меня, следует отнести к профессионалам в философии. Вы работаете профессором в ведущем государственном вузе, являетесь членом Российской академии наук и различных научных ассоциаций (РФО и пр.). И все эти государственные учреждения и общественные организации пронизаны корпоративным духом, жестко определяя правила членства и линию поведения в них. Кроме того, над Вами, как и надо мной, довлеют научно-образовательные стандарты, отчетные показатели, требования выполнения госзаданий, грантов и пр. Одним словом, мы как профессиональные философы, привязанные к институциям, не принадлежим себе в определенном смысле слова. Мы связаны по рукам и ногам различными, внешними по форме, обязательствами.

Не знаю, как Вы, а я своего «философа по призванию» загнал глубоко внутрь, в подсознание. Увы, за его самодеятельность деньги не платят. Правда, он изредка проявляется во «внутренних» диалогах и напоминает мне о себе, укоряя за то, что моя жизнь потрачена отчасти впустую, а я так и не написал «главного труда жизни» и продолжаю прозябать в административной рутине или организационной суете. Значит ли это, что и Вам пришлось пожертвовать своим «философом по призванию» ради сохранения и удержания социальных или профессиональных позиций? Или у Вас, как и у меня («диалоги с котом»), имеется свой рецепт исполнения собственного философского призвания, существующий за рамками институциональных и профессиональных обязательств?

В.В.: Когда я, Юрий Михайлович, почитал Вашу «Философию кота Кузи», то даже позавидовал Вам, потому что у меня нет собственной популярной философии. И не было потребности ее создать — за одним исключением, когда я взялся за популярную книгу о свободе воли, но вскоре забросил ее. Не привлекает меня и просветительство (в отличие от учительства как воспитания профессионалов), хотя я признаю его культурную значимость. И мне, к счастью, не приходилось никуда загонять «философа по призванию». Я всегда занимался тем, что мне было интересно в творческом плане. Можно сказать, что мне просто повезло.

Другое дело, что от этих занятий меня отвлекали административные обязанности. Ни к одной из своих должностей я не стремился, всякий раз меня просили взять

на себя те или иные обязательства, и мне неловко было отказываться — хотя от многого я все-таки успешно отказался. Меня всегда утешает то, что начальниками были даже такие рассеянные и абстрактные люди, как С.С. Аверинцев или М.Л. Гаспаров. Признаюсь, что они ориентир для меня.

О стиле философствования и проекте бытия

Ю.М.: Вадим Валерьевич, у каждого философа имеется собственный стиль философствования, который выражает саму суть философии. Это — способ, посредством которого философ обращается к миру, другим людям и самому себе с предельными вопросами. В нем соединяются такие стороны или грани деятельности, как рефлексия (созерцание), коммуникация (вопросание, выговаривание и сам акт общения) и проектирование (построение обобщенного образа будущего как своего собственного, так и мира в целом). Поэтому я различаю рефлексивное или созерцающее, коммуницирующее и проектное философствование. Имеется еще дедуктивный, аналитический, дидактический и другие стили.

Именно в нацеленности на выработку и реализацию онтологического проекта и состоит, в частности, практическая функция философствования. Уже в созерцании присутствует проективность как способность сознания к опережающему видению бытия. С этой точки зрения, философия выступает не только рефлексивной, но и проектной практикой. Далее философствование продолжается предельным вопрошанием и раскрывается в последнем выговаривании, которое в свою очередь достигается в экзистенциальной коммуникации как диалоге свободных личностей. Оно реализуется в форме обмена позициями между ними и соперничества их идей.

Онтологическое проектирование в свою очередь направлено на переустройство человеческого бытия и создание возможных жизненных миров в соответствие с данной культурой, интегрируя в себе экзистирование и трансцендирование. Проект бытия (онтопроект) есть образ его возможного будущего, который разрабатывается в соответствии с культурно заданными критериями должностования (например, человекоразмерность, экологичность и пр.). Это итоговый результат и практический смысл философствования, в котором участвуют разные субъекты (исследователи, преподаватели, студенты, самостоятельные философы и «сочувствующие»), придерживающиеся порой прямо противоположных культурных ориентаций.

А что думаете Вы, Вадим Валерьевич, о природе философствования? И какой стиль присуш Вам как философу?

В.В.: Мне близки Ваши размышления о проектном стиле существования философа. Только мои проекты имеют не практический, а сугубо теоретический характер. Я переключаюсь с одной метафизической проблемы на другую и пытаюсь продвинуться в их решении. Сугубо теоретические выкладки я пытаюсь дополнять историко-философскими изысканиями. Впрочем, они самоценны. Историко-философские проекты, которые мне удалось реализовать, я люблю не меньше теоретических. Так или иначе, но в Вашей классификации я скорее рефлексивный философ.

*Ю.М.: Отлично. Философия может предложить проект бытия человека (далее — онтопроект), раскрывающий границы и возможности его бытия в мире как универсуме всего сущего. В логике проектной философии этот тезис можно сформулировать так: **что следует делать, чтобы человеку преобразиться и стать иным (более свободным, совершенным, истинно-сущим и т.п.), преодолевая по ходу деятельности следы «присутствия» в нашем бытии тотальных структур и институтов, ограничивающих твор-***

ческие возможности. При этом иное (иной) рассматривается мной как точка преобразования человека и ориентир философии [18, 270-309].

В своей книге «Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии» Вы завершаете обоснование собственного онтологического проекта, истоки которого сформированы Вами в предыдущих монографиях [6; 7]. Вы предлагаете начинать с прояснения онтологических установок (ментальных состояний), основанных на вере (пример «чаши»).Descriptions составляют лишь материал для умозаключений. Онтологические установки не стоит сводить, с Вашей точки зрения, к набору дескрипций. Умозаключения (феноменологические дедукции) позволяют обобщать данные дескрипций и связывать их между собой, представив в виде онтологических конструкций (образов реальности, соединяющих ментальное и физическое). Они являются инструментами, которые позволяют устранять неясности в онтологических установках, составляющих в своей совокупности «здоровый смысл», т.е. «общее убеждение в существовании мира».

Вы не только перечисляете эти онтологические установки (убеждения в том, «что мы воспринимаем сами вещи, а не их образы», «что вещи существуют независимо от нашего восприятия»; «что физическое объяснимо физическим»; «что другие люди обладают сознаниями»; «что в мире ничего не происходит без причины»; «что наши желания и чувства могут влиять на поведение»; «что мы несем ответственность за собственные действия» и др.), но и показываете связи между ними, подчеркивая тот факт, что все они направлены на защиту здравого смысла [8, 197].

Этим отличается, с Вашей точки зрения, аргументативная феноменология от дескриптивной феноменологии Гуссерля. Вместе с тем Вы предлагаете определить онтологический статус ментального (онтологических установок), отталкиваясь от представления о природе физического (вещей вообще). Последнее составляет фон для проявления ментального (как связь между мозгом и сознанием). Мир (актуальный или один из возможных) характеризуется самотождественностью, единством, сущностной связью партикулярного и универсального и т.д. [8, 22-23].

По Вашему мнению, «практическая необходимость философии может быть обозначена как необходимость устранения септических и метафизических иллюзий, заслоняющих от нас ту реальность, о которой, так или иначе, информирует наш здравый смысл» [8, 198].

Итак, каждый из нас пытается создать свой онтологический проект, базирующийся на здоровом смысле или представлении об ином. Вы берете за основу оппозиции «сознание – тело», «ментальное – физическое», а я рассматриваю философию как проектную практику, которая включает этапы предвосхищения будущего (построение образов потенциально-должного), его актуализации и трансформации в бытие-возможное-впереди-себя. С этой точки зрения, философ последовательно выступает медиатором, модератором и строителем бытия, в т.ч. своего собственного, демонстрируя своим личным примером проектные возможности персональной философии.

Что Вы думаете по этому поводу? Правильно ли я сформулировал Ваш подход?

В.В.: Думаю, Юрий Михайлович, что Вы подметили важные особенности моего подхода. Я называю свой проект феноменалистической или феноменологической онтологией. Суть этого проекта в исследовании онтологических проблем (таких как вопрос о причинности или проблема соотношения ментального и физического) не в объективистском модусе вещей самих по себе, а в феноменологической плоскости, где вещи оказываются коррелятами сознания.

Табл. 1.

Основания	Предметные ракурсы современной философии	
	Сущее	Должное
Бытие - становление	Философия бытия (позитивизм, реализм, диалектический материализм и пр.)	Философия творчества (персонализм, русская религиозная философия, конструктивизм и пр.)
Сущность - существование	Философия духа (феноменология, трансцендентализм, аналитическая философия и др.)	Философия существования (экзистенциализм)

Иначе говоря, меня интересует, к примеру, не вопрос о том, как соотносится ментальное само по себе с физическим самим по себе, а как мы должны мыслить это соотношение при наличном устройстве наших познавательных способностей. В ряде контекстов эти планы могут казаться почти неразличимыми, но иногда различие между ними становится существенным. Важно, что рассуждая в феноменологической плоскости, мы можем надеяться на достижение точных результатов. Ведь в этой плоскости мы находимся как бы у самих себя, здесь нет ничего трансцендентного. И это может быть залогом достоверности результатов. Я практиковал этот метод в книге «Сознание и вещи», к которой я отсылаю тех, кто заинтересуется деталями сказанного.

Ю.М.: Спасибо. Перейду к обоснованию следующего вопроса. Очевидно, что философы не мыслят в вакууме. Они обычно относят свои идеи к философскому универсуму, помещая собственную концепцию в определенную систему онтологических координат. В современной философии человека я различаю условно парадигмы «жизни» (философия жизни и немецкая философская антропология), «творчества» (русская религиозная философия и персонализм) и «существования» (трансцендентализм и экзистенциализм) [18, 58-100]. Но этого явно недостаточно, чтобы охватить все здание философии. Необходимы критерии, в качестве которых я рассматриваю три оппозиции, составляющие систему координат: «сущее – должное», «бытие – становление», «сущность – существование».

С учетом этого представляю некоторые направления философии, обусловленные указанными выше онтологическими координатами, в виде таблицы (см. табл. 1).

А как Вы относитесь к подобной схеме? Считаете ли Вы себя «философом идеи» («философом духа»)? Или у Вас имеется совсем другое представление, которое не укладывается в предложенную схему?

В.В.: Я считаю Вашу схему полезным инструментом для ориентации в великом многообразии философских систем и подходов. Есть, разумеется, и другие схемы, которые тоже могут быть полезными. Сам я, как историк философии, более всего соотношу свои теоретические проекты с традицией классической философской мысли. Несмотря на все разнообразие тем и подходов, в этой традиции обнаруживается и нечто общее: стремление классических философов доказательно рассуждать о фундаментальных проблемах. Сами эти проблемы всегда были сфокусированы на человеке. Иного трудно было бы ожидать. К их числу обычно относят вопрос о природе и границах человеческого познания, проблему сознания и его отношения к телесным аспектам человеческого бытия, проблему свободы воли, вопрос о природе морали и т.п.

В наши дни эту классическую традицию продолжает аналитическая философия. Поэтому мне ближе всего именно аналитические подходы и, соответственно, согласно Вашей схеме, «философия духа». Хотя, признаюсь, я не так много размышляю о том, к какому направлению себя причислить. Мне просто интересны философские проблемы, и я пытаюсь что-то делать для их продуктивного разрешения.

Философия как экзистенциальный проект. Система ценностных координат (свобода – справедливость; равенство – неравенство)

Ю.М.: На этом этапе анализа персональной философии важно прояснить то, как на человека, в т.ч. философа, влияют тотальные социальные структуры (организации, институты, системы и пр.) и где находится предел их воздействий. Возможно, в качестве этого предела выступает экзистенция, неприкосновенность и уникальность его индивидуального бытия. При этом проект понимается как необходимое опосредование «идеального бытия» или метафизической возможности, которую выбирает или не выбирает человек.

Философ, как и любой человек, сам наделяет смыслом свое бытие. Ведь «смысл к структурам приходит от человека, субъективность полагается как сфера, в которой одновременно с возникновением смысла, ценности и посредством их – артикулируется объективное. Всякая система оказывается основанной на индивидуальной практике, создающей и воссоздающей систему и поддерживающей ее существование» [3, 179].

Парадокс ситуации заключается в том, что человек создает разные системы, которые впоследствии стремятся подчинить его себе. И его задача заключается в том, чтобы неустанно заниматься эмансипацией собственного бытия, «отскребая» себя от стен институциональных сосудов и воссоздавая каждый раз заново свою целостность.

Экзистенциальный проект философа состоит в том, чтобы помочь людям и самому себе минимизировать издержки воздействия тотальных систем и освоить технологии безопасного сосуществования с ними, в т.ч. обезопасить свой жизненный мир. Это я и называю экзистенциальной экологией.

Вадим Валерьевич! А каким Вы видите экзистенциальный проект философа? В чем, на Ваш взгляд, состоит его смысл?

В.В.: Здесь, Юрий Михайлович, я готов во многом согласиться с Вами. Я тоже считаю, что философия помогает людям не раствориться в социальных институтах и культурных стереотипах. Такая опасность всегда существует. Социальные институты предписывают определенный тип поведения, а культурные стереотипы содержат множество советов на разные случаи жизни. Столкнувшись с какой-то проблемой, человек может попросту взять один из готовых рецептов и следовать ему. Проблема здесь в том, что, если все будут действовать по этому правилу, культура и общество перестанут развиваться. Кто-то должен не только пользоваться культурой, но и создавать в ней новые смыслы и паттерны. Философы могут напрямую создавать такие смыслы. Но философия также помогает подготовиться к их созиданию. Философы по своей природе не удовлетворяются данностями, они хотят лучше понять их, углубиться в вопрос. Философствование тем самым предполагает отстранение, дистанцирование от всего, что нас окружает. А это как раз и позволяет осознать несводимость человеческой личности к культурным паттернам.

Ю.М.: Как известно, философы не только познают мир, но и изменяют его, опираясь на собственные ценностные приоритеты. Философия есть, помимо прочего, учение о должном. Такую философию называют валюативной (ценностной). Она центрируется вокруг персоны самого философа, выступающего не только носителем ценностей и идеалов, но и творцом новой культуры. Философы испокон веков воспевают идеал свободы (см. прим. 5). Но им также не чужды и другие ценности (справедливость, равенство и пр.).

Можно предположить, что свобода и справедливость могут служить критериями дифференциации философий и соответствующих им групп философов. Существует как

Табл. 2.

Критерии дифференциации	Свобода	Справедливость
Равенство	Философия всеобщей свободы и социального равенства "для всех" (сторонники социальной утопии, например, раннего христианства или коммунизма)	Социально ориентированная философия или философия равных возможностей и справедливости "для всех" (идейные сторонники социализма, социал-демократизма или его неполного аналога - "государства всеобщего благоденствия")
Неравенство	Либеральная философия: свобода "для своих" (привилегированных слоев) и социальное неравенство "для всех" (сторонники капитализма и либеральных ценностей)	Идеократическая философия, провозглашающая справедливость "для своих" ("избранных") и социальное неравенство "для всех" (сторонники идеократизма в его разных формах)

минимум четыре дилеммы, которые составляют систему ценностных координат того или иного философа:

- свобода — равенство;
- свобода — неравенство;
- справедливость — равенство;
- справедливость — неравенство.

Попробую конкретизировать свой тезис в виде таблицы.

Нынешняя эпоха характеризуется наступлением идеократии на всех фронтах, в т.ч. в философии. Идеократическая философия не просто базируется на представлении о должном («мир как долженствующее единство»), но и характеризуется избирательным отношением к справедливости, утверждая «справедливость для своих».

У каждого философа наступает момент, когда ему приходится приводить в соответствие систему ценностей, навязываемых ему социумом и препарированных в его опыте, и экзистенциальный проект («мечта о настоящем» или «порыв к подлинной жизни»). И далеко не все «внешние» ценности он готов принять на экзистенциальном уровне. Персональная философия как раз и соединяет между собой обусловленные извне ценностные приоритеты и экзистенциальные ориентации, т.е. то, что философ хочет сделать для себя, воплотить в присущей ему индивидуальной манере.

Более того, я уверен в том, что в России и не было никогда другой философии, кроме идеократической. Вместе с конкретной доктриной она впитала в себя и определенные (религиозные или идеологические) ценности. Поэтому ее основные формы исторического существования (русская религиозная философия XIX — начала XX вв.; советская философия, базирующаяся на марксистско-ленинской идеологии; постсоветская, либеральная, по сути, философия, представляющая собой симбиоз из разных идей) в той или иной мере являются идеократическими.

Таким образом, я рассматриваю персональную философию, с одной стороны, как экзистенциальный проект (стремление к себе настоящему, аутентичному), который реализуется на протяжении всей жизни философа, а с другой — как валютивную философию, построенную на базе системы ценностных координат, посредством которой осуществляется его деятельность в социуме.

Вадим Валерьевич! Каков же Ваш собственный выбор? И каких ценностей должен придерживаться, с Вашей точки зрения, философ? Может ли он игнорировать ценности, господствующие в данном обществе? Например, быть либеральным или социалистическим философом в идеократическом обществе?

В.В.: Ценностные установки в известном смысле предпосылаются философам культурой. Но это не значит, что они не должны прояснять их истоки и основания. Сам я

занимался такими вещами в своей книге о свободе воли и моральной ответственности [6]. Исследуя эти проблемы, я вышел на понимание того обстоятельства, что свобода человеческой воли тесно связана с таким ценностно нагруженным феноменом, как счастье. Речь идет не о том, что мне почему-то так показалось, а о том, что я осознал, что эту связь можно хорошо обосновать на концептуальном уровне. Так что и саму свободу я склонен считать исключительно важной ценностью. Поэтому мне, разумеется, близки установки либерализма, хотя они должны быть правильно поняты и истолкованы.

В либерализме нет ничего от анархии и вседозволенности. Для меня либерализм — это, прежде всего, уважение к людям и к их праву делать то, что они хотят делать в той мере, в какой это совместимо с правом других людей делать то, что они хотят делать, и с сохранением человеческого рода и общества. Разумеется, эти идеи могут не слишком хорошо сочетаться с какими-то из российских реалий. Но это мало меня смущает. Я никого не призываю к грандиозным политическим изменениям. Но сам я стараюсь соответствовать космополитичным представлениям о том, как надо вести себя добропорядочному гражданину благополучного государства. И если мой пример может оказаться полезным для других, я буду очень этому рад.

Об исследовательской программе

Ю.М.: У многих философов имеется собственная исследовательская программа, которая рассчитана на многие годы. Моя программа состоит из нескольких проектов, включая участие в мегатемах «Российский проект цивилизационного развития», «Практическая и прикладная философия». Она базируется на методологии онтопроектирования [16; 17; 18].

Насколько я понял, ваша исследовательская программа, которую можно условно назвать «Сознание и тело», «нацелена на прояснение базовых принципов здравого смысла», являющегося частью обыденного сознания [8, 196]. На выявление этих принципов или установок, а также связей между ними, и направлено Ваше исследование.

Каково же Ваше собственное обоснование данной программы? И какова та конфигурация идей и концепций, которую коллеги считают Вашим личным вкладом в философию? Насколько она укладывается в лоно аналитической философии?

В.В.: Мою исследовательскую программу можно назвать программой феноменалистической онтологии или прояснения обыденных онтологических установок людей, таких как убеждение в существовании внешнего мира, причинности или знаний у других людей. Я конкретизировал методологию такого рода прояснения, подчеркивая роль, так называемых, феноменологических дедукций как одного из механизмов осуществления кабинетного концептуального анализа.

Одним из результатов проведенных мной изысканий стала концепция, уточняющая онтологический статус сознания и его отношения к физической реальности. Центральным компонентом этой концепции является специфическое решение проблемы ментальной каузальности, получившее название «локального интеракционизма». Эта концепция подтверждает интуиции здравого смысла относительно реальности влияния человеческого сознания на человеческое поведение и вместе с тем сохраняет верность принципу каузальной замкнутости физического, важного для современной экспериментальной науки.

Понимание специфики ментальной каузальности позволило мне по-новому взглянуть на традиционную проблему свободы воли. Защищая принципы класси-

ческого компатибилизма (согласно которому свобода воли, понятая как возможность поступать в соответствии с собственными желаниями, совместима с детерминизмом и достаточна для моральной ответственности при условии рационального выбора совершающего поступок субъекта и наличия у него моральных норм), я отстаивал подход, названный мной «ультракомпатибилизмом». Это решение проблемы свободы воли утверждает совместимость последней с не только с детерминизмом, но и с каузальной замкнутостью физического.

Вместе с тем в контексте этого решения обнаруживается правильность важной интуиции традиционных противников компатибилистов — либертарианцев, а именно интуиции относительно того, что состояние человеческого тела в тот или иной момент времени не предопределяет, как именно поведет себя человек в следующее мгновение [6]. Все эти идеи могут укладываться в представление о подходах аналитических философов. Хотя не могу сказать, что они близки взглядам среднестатистического аналитика (такой аналитик далек от феноменологии и кабинетных методов концептуального анализа, он отвергает классический компатибилизм и интеракционистские пути решения проблемы ментальной каузальности), к периферии аналитической философии отнести их можно. И я даже рад такой близости к периферии. Именно на периферии мы видим жизнь и попытки найти какие-то свежие решения. В центре все давно заостенело.

Ю.М.: После того, как мы рассмотрели с Вами некоторые аспекты того, что можно назвать персональной философией, остается еще один загадочный элемент, который я определил условно как «невыветываемый остаток». Это — то, что, кроме авторского стиля, делает Вашу исследовательскую программу особенной и неповторимой. Ведь философию Н.А. Бердяева не перепутаешь ни с какой другой. И подобное своеобразие характеризует практически каждое философское учение, в котором присутствует не только личностная манера философствования, но и своя «изюминка». А в чем состоит изюминка той философии, которой Вы занимаетесь?

В.В.: Об изюминке моего собственного философствования — если она есть — лучше спросить тех, кто читал мои книги и слушал мои лекции. Но если говорить о самоощущении, то эта изюминка состоит в попытке сочетания аналитических методов концептуального анализа и модифицированных феноменологических подходов (я отстаиваю «аргументативную феноменологию», которую я противопоставляю дескриптивизму основателей феноменологии). К тому же пытаюсь в феноменологическом ключе рассуждать о традиционных метафизических вопросах. Этого не делали основатели феноменологии. Для Э. Гуссерля, к примеру, темы свободы воли, отношения сознания и тела, истоков морали и т.п. были по большому счету маргинальными. Современные аналитические философы, напротив, много говорят на эти темы, но редко используют в их трактовке феноменологические приемы. Я пытаюсь сочетать эти вещи.

Ю.М.: И, наконец, я хотел бы вкратце поговорить с Вами о метафилософии. Она присутствует в каждой исследовательской программе. В одной из своих статей Вы анализируете разные метафилософские концепции, отталкиваясь в основном от аналитической философии [7]. Вы завершаете свою статью выводом, что философия снова оказалась перед выбором: на этот раз между сближением с экспериментальными дисциплинами и поиском «внутренних» ресурсов в кабинетной философии. Так куда же, с Вашей точки зрения, пойдет философия? И останется ли в ней место персональной составляющей?

В.В.: Персональная составляющая в философии точно останется. Что же касается перспектив философии, то чтобы предотвратить ее растворение в экспериментальной науке мы должны переосмыслить статус и методы кабинетной философии. Только она поможет сохранить идентичность философии как особой области интеллектуальной деятельности человека.

Ю.М.: *Вадим Валерьевич, спасибо за содержательную беседу!*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — 382 с.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). — М.: Мир книги: Литература, 1990. — 414 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. — Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. — 732 с.
4. Бохенский Ю.М. Современная европейская философия. — М.: Научный мир, 2000. — 256 с.
5. Вайсман Ф. Как я понимаю философию // Путь в философию. Антология. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 83-117.
6. Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2017. — 200 с.
7. Васильев В.В. Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. — 2019. — № 2. — С. 6-18.
8. Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерки феноменалистической онтологии. — М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2014. — 240 с.
9. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 269 с.
10. Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. — М.: Канон+, 2010. — 520 с.
11. Витгенштейн Л. Мысли о философии. Фрагменты из работ // Путь в философию. Антология. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 15-33.
12. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 3. Философия духа / Отв. ред. Е.П. Ситковский. — М.: Мысль, 1977. — С. 393.
13. Кант И. Критика чистого разума. — СПб.: Наука, 2008. — 734 с.
14. Кутырев В.А. Человеческое и Иное: борьба миров. — СПб.: Алетейя, 2009. — 262 с.
15. Ортега-и-Гассет Х. Из рецензии на книгу Эмиля Брейе // Путь в философию. Антология. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 183-196.
16. Резник Ю.М. К экологии жизненного мира человека // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: Коллективная монография / Отв. ред. И.К. Лисеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — С. 47-62.
17. Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Том XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / Под ред. Ю.М. Резника. — М.: НИГО, 2020. — С. 17-120.
18. Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного. — М.: Канон+, 2017. — 632 с.
19. Сартр Ж.-П. Бытие и некто. Заключение // Путь в философию. Антология. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 162-174.
20. Сартр Ж.-П. Проблемы метода: пер. с фр. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. — 234 с.
21. Тавризян Г.М. Жак Маритен // Путь в философию. Антология. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 269-274.
22. Тузова Т.М. Ж.-П. Сартр: бытие — это то, на что вы отваживаетесь // Путь в философию. Антология. — М.: Университетская книга, 2001. — С. 174-183.
23. Хайдеггер М. Введение в метафизику: Пер. с нем. Н.О. Гучинской. — СПб.: НОУ «Высшая религиозно-философская школа», 1997. — 302 с.
24. Шлик М. Будущее философии // Путь в философию. Антология. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. — С. 66-79.
25. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире: Пер. А.К. Судакова. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. — 384 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Berdyayev N.A. O naznachenii cheloveka. — M.: Respublika, 1993. — 382 s.
2. Berdyayev N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii). — M.: Mir knigi: Literatura, 1990. — 414 s.

3. Berdyayev N.A. *Filosofiya svobody*. — Kharkov: Folio; M.: AST, 2002. — 732 s.
4. Bokhenskiy Yu.M. *Sovremennaya evropeyskaya filosofiya*. — M.: Nauchnyy mir, 2000. — 256 s.
5. Vaysman F. *Kak vy ponimayu filosofiyu // Put v filosofiyu. Antologiya*. — M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
6. Vasilev V.V. *V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma: Esse o svobode voli*. M.: Knizhnyy dom «LIBRIKOM», 2017. — 200 s.
7. Vasilev V.V. *Metafilosofiya: istoriya i perspektivy // Epistemologiya i filosofiya nauki*. — 2019. — № 2. — S. 6-18.
8. Vasilev V.V. *Soznanie i veshchi: Ocherki fenomenalisticheskoy ontologii*. — M.: Knizhnyy dom «LIBRIKOM», 2014. — 240 s.
9. Vasilev V.V. *Trudnaya problema soznaniya*. — M.: Progress-Traditsiya, 2009. — 269 s.
10. Vasilev V.V. *Filosofskaya psikhologiya v epokhu Prosveshcheniya*. — M.: Kanon+, 2010. — 520 s.
11. Vitgenshteyn L. *Mysli o filosofii. Fragmenty iz rabot // Put v filosofiyu. Antologiya*. — M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. — S. 27.
12. Gegel G.V.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. V 3-kh t. T. 3. Filosofiya dukha / Otv. red. E.P. Sitkovskiy*. — M.: Mysl, 1977. — S. 393.
13. Kant I. *Kritika chistogo razuma*. — SPb.: Nauka, 2008. — 734 s.
14. Kutzyrev V.A. *Chelovecheskoe i Inoe: borba mirov*. — SPb.: Aleteyya, 2009. — 262 s.
15. Ortega-i-Gasset Kh. *Iz retsenzii na knigu Emioya Breya // Put v filosofiyu. Antologiya*. — M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
16. Reznik Yu.M. *K ekologii zhiznennogo mira cheloveka // Filosofiya sotsioprirodnogo vzaimodeystviya v vek konvergentsnykh tekhnologii: Kollektivnaya monografiya / Otv. red. I.K. Liseev. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. — S. 47-62.*
17. Reznik Yu.M. *Obrazy tsivilizatsionnogo budushchego Rossii: ot delnye proekty i vozmozhnosti ikh integratsii // Voprosy sotsialnoy teorii. Nauchnyy almanakh. Tom XII. 2020. Rossiya kak tsivilizatsiya budushchego / Pod red. YU.M. Reznika*. — M.: NIGO, 2020. — S. 17-120.
18. Reznik Yu.M. *Fenomenologiya cheloveka: bytie vozmozhnogo*. — M.: Kanon+, 2017. — 632 s.
19. Sartr Zh.-P. *Bytie i nechto. Zaklyuchenie // Put v filosofiyu. Antologiya*. — M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
20. Sartr Zh.-P. *Problemy metoda: per. s fr.* — M.: Izdatelskaya gruppa «Progress», 1994. — 234 s.
21. Tavrizyan G.M. *Zhak Mariten // Put v filosofiyu. Antologiya*. — M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
22. Tuzova T.M. *Zh.-P. Sartr: bytie — eto to, na chto vy otvazhivaetes // Put v filosofiyu. Antologiya*. — M.: Universitetskaya kniga, 2001.
23. Khaydegger M. *Vvedenie v metafiziku: Per. s nem. N.O. Guchinskoy*. — SPb.: NOU «Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola», 1997. — 302 s.
24. Shlik M. *Budushchee filosofii // Put v filosofiyu. Antologiya*. — M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. — S. 72.
25. Yaspers K. *Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoe orientirovanie v mire: Per. A.K. Sudakova*. — M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. — 384 s.

Примечания

1. См.: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2/2.pdf (дата обращения: 20.08.2013).
2. См., например: *Гусев Д.А. Популярная философия: Учебное пособие*. — М.: Изд-во «Прометей», 2015. — 291 с.; *Момджян К.Х. Об истине и правде // Философские науки*. 2019. № 62 (3). С. 110-123; *Никифоров А.Л. Философия мысли и философия слова // Философия и культура*. 2008. № 3 (3). — С. 8-21; *Никифоров А.Л. Научная и литературная философия // Личность. Культура. Общество*. 2008. Т. 10. Вып. 2 (№ 41). — С. 108-120; *Никифоров А.Л. Стили философского мышления // Личность. Культура. Общество*. 2010. Т. 12. Вып. 4 (№№ 59-60). — С. 265-276; *Пигров К.С. Дилетантизм как новейшая европейская цивилизационная проблема // Гигиена культуры: общий концепт и виды социальной болезни*. — М.: Изд-во «Русайнс», 2016; *Пигров К.С. Любители философии и профессионалы: альтернативы в горизонтах XXI в. // Альтернативное образование в поисках своего качества: сб. материалов конференций по проблемам альтернативного образования*. СПб, 2006. — С. 69-80; *Тогашев Е.А. Валюативный и рефлексивный типы социальной философии: модели культуры // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества. Сборник трудов науч. конференции*. — Ульяновск: УлГТУ, 2018. — С. 40-47.
3. Термины «самодеятельные философы» и «самодеятельная философия» сегодня широко используются наряду с терминами «дилетантская философия», «философия по призванию» и др. Это — наименование тех, кто убежден в том, что них есть своя философия, и кого «профессионалы» часто считают дилетантами в философии или «философами по призванию» (более корректный термин). См.: *Гаариченков Ю.В. Что такое самодеятельная философия // Личность. Культура. Общество*. 2006. Т. VIII. № 3 (31). С. 84-105;

Пигров К.С. Профессионалы и самодеятельные философы: к развитию рецептивной философии // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. Вып. 3 (31). — С. 106-130; Пигров К.С. Феномен самодеятельной философии в Санкт-Петербурге // История культуры Петербурга и современность. Материалы межвузовской научно-практической конференции 30 июня 2005 года. СПб, 2006. — С. 57-61; Пигров К.С. Любители философии и профессионалы: альтернативы в горизонтах XXI в. // Альтернативное образование в поисках своего качества: сб. материалов конференций по проблемам альтернативного образования. СПб, 2006. — С. 69-80; Тульчинский Г.Л. Философствование как самодеятельность, или Персоналогическая природа философии // Феномен самодеятельного философствования. — СПб: РФО — СПб ФК, 2005 — С. 99-103; Феномен самодеятельного философствования. Сборник статей / Главный редактор К.С. Пигров. Российское философское общество. Санкт-Петербургский Философский клуб. — СПб, 2005. — С 11-29.

4. Мне удалось издать две части книжки «Философия kota Кузи», которые вызвали положительную реакцию у многих коллег. См.: Резник Ю.М. Философия kota Кузи (диалоги и эссе). — М.: Изд-во АНО НИГО, 2019-2020.

5. Однако на практике свобода одних зачастую вела к усилению неравенства и неравноправного положения других. Многое зависит от того, как люди пользуются своей свободой. Часто провозглашаемый у нас тезис о том, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого, оказывается голословным и неподкрепленным конкретными правовыми механизмами и моральными регулятивами. А справедливость, как правило, предполагает равенство, хотя и не всегда приводит к нему. В ряде случаев мы имеем дело с обыкновенными декларациями о намерениях.

Да, возможно, люди еще не созрели для свободной жизни, предпочитая вместо всеобщей свободы добиваться «свободы» для себя или своей социальной группы. Деление античного общества, разделенного на свободных граждан и рабов, никуда не исчезло, а лишь приобрело более изощренные формы. Поэтому у нас по-прежнему свобода одних обращивается на практике несвободей и зависимостью других.

Свобода редко бывает общим достоянием. И за свободу еще надо бороться. В самом начале перестройки идеологи приватизации призывали нас к экономической свободе. Но получив ее в виде ваучеров, мы оказались в один прекрасный момент без собственности, т.е. попали в заведомо неравное положение. Тогда нас «освободили» не только от нашей доли в общенародной собственности, но и от самой свободы. Последняя досталась наиболее предпримчивым или просто изворотливым людям. Теперь они живут свободно и в достатке, а мы (подавляющая часть граждан страны) — как придется.

6. Кстати, один из идеократических вариантов философии описан еще в «Государстве» Платона, в котором, как известно, правят властители умов — философы, а также в трудах классических евразийцев (Н. Трубецкой), в которых идеократия рассматривалась как главная руководящая сила общественной жизни. Но самым радикальным примером идеократизма выступает фашизм с его реакционными и расистскими идеями.

Советское общество, как и его философия, были идеократическими. А это значит, что СССР на стадии своего становления представляет собой смешанную модель общества — идеократизм с элементами социализма (или «социалистический идеократизм»). Основой общественного строя выступала идеологическая конструкция (марксизм-ленинизм). После перестройки появляется еще один социальный гибрид («капитализм с элементами социализма») или смешанную форму общественного развития — зачатки *социал-капитализма*, объединяющего в идеале социальную рыночную экономику и социальное государство. Но это лишь одна из возможных моделей общественного развития современной России, которая еще не получила реального подкрепления. Пока же страна продолжает идти по пути идеократического капитализма, наращая противоречия с глобальным капитализмом, прежде всего, в лице США.

Идеократия побеждает сегодня во всем мире, как на Западе, так и на Востоке, везде, где ориентация на сущее и поиск истины оттесняются на второй план и подменяются ценностными или идеологическими суррогатами. Либеральная философия в ее классическом виде перестала существовать и обросла массой идеологических ярлыков («толерантность», «политическая корректность», «мультикультурализм» и пр.). С этой точки зрения, нет принципиальной разницы между нынешней философией либеральной демократии США и социалистической философией Китая. К тому же их связывают друг с другом имперские претензии. Ведь империя по своей сути и есть суперидеократическая система. Пока сохраняются имперские традиции в той или иной стране, она продолжает оставаться идеократической. А, как известно, самое острое противостояние всегда происходит между близкими родственниками. В нашем случае это — либеральная империя во главе с США («либеральный идеократизм» или «идеократический капитализм»), с одной стороны, и империя социалистического типа, которую представляет Китай («социалистический идеократизм» или «идеократический социализм») — с другой. С моей точки зрения, нынешняя либеральная философия, отстаивающая изменившиеся ценности западного мира, столь же идеократична, как и философия советского периода.

Поступила в редакцию 20.12.2020 г. (№ 2422)